

Петербург в поэзии А.Н. Апухтина

На первый взгляд, в нашей культурной памяти такой феномен, как «апухтинский Петербург», малоактуален. Узнаваемы и несомненны Петербург пушкинский, гоголевский, Достоевский, Некрасовский, Ахматовский, но не апухтинский.

Между тем фактический материал для разговора здесь имеется. В поэтическом наследии А.Н. Апухтина около десятка стихотворений петербургской тематики. В восьми из них непосредственно названы, присутствуют в тексте либо прямое именование города, либо знаковые петербургские реалии (чаще всего Нева). И стихотворения эти в творчестве Апухтина неслучайны. Он принадлежит к разряду литераторов, которые издавна оказывались наиболее активными в отношении портретирования Петербурга, — не-петербуржцев по рождению, прочно связавших, однако, с этим городом всю свою жизнь и творческую деятельность.

Для Апухтина, одиннадцатилетним мальчиком поступившего в Училище правопедения и оставшегося служить в столице после его окончания, Петербург, как известно, стал главной «средой обитания» — географической, социальной, бытовой, культурной. Следы этого находим в его стихах, среди которых, как уже было сказано, есть и сугубо «петербургские». Почему же эти следы остаются как бы не замеченными читателями, а выражение «апухтинский Петербург» кажется проблематичным?

Ответ на этот вопрос можно найти, обратившись к анализу конкретных текстов. Наша рабочая гипотеза состоит в том, что специфика петербургской темы у Апухтина связана с особенностями его поэтической системы, а именно — с той его чертой, которую можно было бы назвать поэтикой клишированных мотивных комплексов. Характерные прежде всего для романсного жанра, всевозможные «ночи безумные, ночи бессонные», «чистые упования», «думы несвязные», «туманные дали» и «сумрак былого» призваны не столько раскрыть конкретику данного образного комплекса,

сколько, отослав к многократно встречаемым аналогичным — в текстах предшественников, — сформировать многогранное, синкретически-универсальное суммарное образное единство. Такая поэтика отсылок, узнавание знакомого в новом тексте, определяет «свернутый» характер образов, сводит их к роли намека, знака. Об этом пишет М.В. Отрадин: «Апухтин охотно использует в своих стихотворениях поэтизмы, когда он вводит в текст целые блоки освещенных традицией образов» (1). И далее: «Легко узнаваемые образы, привычная романсная лексика моментально настраивают нас на определенный строй эмоций и переживаний» (2).

Представляется, что принципы «поэтики знакового узнавания» у Апухтина распространяются не только на тропы и слова-поэтизмы, но также на мотивно-тематические комплексы его лирики, сюжетные ситуации, коллизии. К тому же, характерные для жанра романа, эти принципы активно «прорастают» во всем массиве апухтинской поэзии.

Анализ стихотворений Апухтина, связанных с темой Петербурга, создает выразительную картину последовательного введения этой темы в систему «поэтики узнавания», причем «фоном отсылки» становится русская литературная классика.

К числу лирических «петербургских текстов» Апухтина в первую очередь следует отнести следующие: «Скажи, зачем?..» (20 ноября 1854); «Зимой» (6 января 1855); «Май в Петербурге» (27 мая 1855); «Шарманщик» (26 ноября 1855); «Петербургская ночь» (13 января 1856); «Апрельские мечты» (Апрель 1856); «На Неве вечером» (30 мая 1856); «После бала» (4 января 1857); «Петербургская ночь» (1863); «Письмо» (ноябрь 1882); «Ответ на письмо» (8 ноября 1885).

Петербургская тема присутствует в них непосредственно и несомненно.

Как видим, наибольшая увлеченность поэта петербургской тематикой относится к раннему его творчеству; со временем этот интерес постепенно угасает, в последнее десятилетие творчества сходя на нет.

Сама по себе такая закономерность психологически вполне объяснима обостренным интересом к знаменитому городу «вживающегося» в него молодого человека. На протяжении 50-х годов Апухтин настойчиво тяготеет к петербургской тематике. При этом поэт явно избегает описательного, изобразительного момента.

Портрета города как такового мы не встретим. Во всех случаях петербургский мотив играет роль первоимпульса для эмоциональных либо медитативных «разверток» сюжета. Именно в связи с этим у раннего Апухтина мы в большинстве случаев встречаемся с Петербургом лишь в заглавии, зачине после чего мысль поэта (лирического героя) переключается в другие сферы.

Что же касается городского пейзажа, петербургской реальности, то средством ее моделирования с самого начала становится реминисцентность, повышенная интертекстуальность, насыщенность разного рода отсылками к творчеству предшественников.

Среди них — Пушкин.

Зима. Пахнул в лицо мне воздух чистый...
Уж сумерки повисли над землей,
Трещит мороз, и пылью серебристой
Ложится снег на гладкой мостовой...(3) /51/

(-ср. : Уж поздно, в санки он садится,
«Пади! Пади!» — раздался крик;
Морозной пылью серебрится
Его бобровый воротник»

(«Евгений Онегин») (4).

Аполлон Григорьев:

Город прославленный, город богатый,
Я не прельщуся тобой.
Пусть твоя ночь в непробудном молчанье
И хороша и светла, —
Ты затаил в себе много страданья,
Много пороков и зла.
Пусть на тебя с высоты недоступной
Звезды приветно глядят —
Только и видят они твой преступный,
Твой закоснелый разврат

(«Петербургская ночь», 1856)/63/

(ср.: Прощай, холодный и бесстрастный,
Великолепный град рабов,
Казарм, борделей и дворцов,
С твоею ночью гнойно-ясной,
С твоей холодностью ужасной...

(«Прощание с Петербургом», 1846)(5));

Я.П. Полонский:

Уж к утру близилось... Унынье превозмочь
 На шумном празднике не мог я и тоскливо
 Оставил скучный пир. Как день, сияла ночь.
 Через Неву домой я ехал торопливо.
 Все было так мертво и тихо на реке...

(«После бала», 1957) /78/

(ср.: Славный мороз. Ночь была бы светла,
 Да застилает сиянье
 Месяца душу гнетущая мгла —
 Жизни застывшей дыханье...

Что же в гостях задержало меня?
 Или мне было привольно
 В сладком забвеньи бесплодного дня
 Мучить себя добровольно?
 Случно и глупо без цели болтать...

(«На пути из гостей», 1856) (6)).

Мотивы «скучного пира», возникающих на его фоне «странных» видений в стихотворении «После бала» вызывают в памяти поэтические медитации М.Ю. Лермонтова и А.И. Одоевского; герой стихотворения «Шарманщик» читателю уже как будто хорошо знаком по письмам Макара Девушкина («Бедные люди» Ф.М. Достоевского); а атмосфера грязи и дождя в этом же стихотворении воскрешает в памяти некрасовский цикл «О погоде».

Заметим, что литературные отсылки и реминисценции носят у Апухтина, как правило, ненавязчивый характер; это скорее намек, легкая аллюзия, не предполагающие установления обязательно-диалогических отношений с претекстом. Но так или иначе петербургская тематика была для Апухтина по-своему проблемной, и на протяжении всего творческого пути он последовательно отрабатывает свою, «литературную» поэтику Петербурга, соединяющую память о видении города разными поэтами и писателями и способную эту память актуализировать.

В интересующем нас отношении из всего поэтического наследия Апухтина особый интерес представляет цикл-диптих, завершающий цепочку петербургских стихотворений Апухтина и относящийся уже к 1880 годам.

Он состоит из двух текстуально самостоятельных стихотворений, никогда не объединявшихся в единый текст при публикациях, но на уровне рецепции составляющих несомненное единство (так называемый «читательский цикл»). «Письмо» и «Ответ на письмо» — эпистолярный диалог двух людей, женщины и мужчины, находящихся в разлуке и связанных, как выясняется, сложными отношениями. Жанр письма, как известно, вообще относится к числу особенно любимых Апухтиным и часто использовался им как литературная форма. В частности, он позволял выстраивать «затекстовую» фабулу с опорой не на повествовательность, а на иные, более свойственные лирике принципы. Они провоцируют читателя на «отгадывание» этой фабулы (многое, однако, оставляя в тени).

Первое, женское письмо, отправлено из Петербурга куда-то на юг; второе — с юга в Петербург. Об этом читаем в рефлексивном постскриптуме первого стихотворения, посвященном размышлениям о будущей судьбе посылаемого письма:

Пусть к Вам оно летит от берегов Невы.../225/.

Эти реминисцентные «берега Невы» могли бы остаться незамеченной частной деталью, если бы не ряд обстоятельств. Важнейшее из них состоит в том, что это — единственная в тексте топонимическая конкретика, притом — что особенно важно — повторенная во втором, ответном письме:

Письмо мое — упрек. От берегов Невы
Один приятель пишет мне, что Вы.../240/.

Поставленное в сильную стиховую позицию (рифма и перенос), а главное, буквально повторяющее первый текст — это выражение сразу выделяется, как бы освещая собой весь текст цикла. В результате даже самый забывчивый читатель воскресит в памяти истоки фразеологизма:

Онегин, добрый мой приятель,
Родился на брегах Невы...(7).

В контексте диптиха эта реминисценция «разогревается», наращивая свою значительность, а одновременно обыгрывается и становится сюжетопорождающей сама переключка с «Евгением Онегиным».

К пушкинскому роману отсылает читателя уже представленная в цикле сюжетная ситуация: женское письмо-признание в любви (как понимает читатель, неразделенной и бесперспективной) — и явно не ожидаемое героиней письмо-ответ, которое тоже перерастает в признание (остающимся в читательском представлении «темным местом», открытым финалом напряженного сюжета).

Сходство с «онегинской» фабулой усиливается тем, что второе письмо подается не как прямой ответ на признание героини. Повод для письма — неожиданный для читателя упрек ей в разглашении их прошлого. Персонажи уже «разведены» — непроясненными обстоятельствами, временем — так же как пушкинские герои с их «невстретившимися» во времени порывами навстречу друг другу.

Но и более того: в целом эта «онегинская ситуация» разрабатывается Апухтиным с подчеркнутой опорой на принципы пушкинского романа в целом. Это — ситуативная симметрия (8), при которой композиция пушкинского романа определяется «встречным» развитием событий: письмо и признание Татьяны в начале, с последующей отповедью Онегина — зеркально отображены в письме-признании Онегина и отповеди Татьяны в конце.

Апухтин усложняет ситуацию, делает ее более разветвленной и проблематизированной. И тем не менее пушкинская канва узнается, сквозит. Знаменитая «двоичность», своеобразная структурная бинарность поэтики «Евгения Онегина» становится опорным принципом композиции апухтинского цикла. На две части — основную и постскрипtum — делится каждое из писем. В обоих случаях эти части противопоставлены по мысли и цели автора. У нее первая часть содержит признание в любви, а постскрипtum — насмешку над собой же и упрек ему; у него — первая часть начинается с упрека ей, а постскрипtum завершается признанием в любви. Далее, в обоих письмах этот композиционно центральный перелом интонации и чувств в каждом из текстов мотивирован переходом от ночи к дню — в первом письме, и от дня к ночи — во втором, причем оба адресата подчеркивают этот момент.

Значима в апухтинском цикле и выделенная Пушкиным в его романе оппозиция «север-юг» (местонахождения адресатов), и синонимия понятий «север» и «Петербург» («... вреден север для меня»).

Возвращаясь к проблеме фабулы, вспомним, что и для пушкинского романа характерна событийно-фабульная недосказанность.

Переводя материал из романного жанра в лирический, Апухтин максимизирует этот принцип: что и как «фактически» произошло между героями, остается известным только им одним.

Ко всему этому присоединяется намеченная Пушкиным и развитая Апухтиным «игра» в ситуации сбывшегося/несбывшегося ожидания. Так, если первое письмо завершается характерно-рефлексивным финалом, —

И знайте: я не жду ответа
Ни на письмо, ни на любовь.

Вам чувство каждое всегда казалось рабством,
А отвечать на письма... Боже мой!

На Вашем языке, столь вежливом порой,
Вы это называли «бабством» /225/, —

то второе начинается как ответ на него — но ответ «непрямой»:

Увидя почерк мой, Вы, верно, удивитесь:
Я никогда Вам не писал,
Я и теперь не заслужу похвал...
Письмо мое — упрек /240/(следует объяснение).

И только в постскриптуме вспыхивает тема любви, признания.

Это тоже узнаваемый пушкинский ход. Ведь и Онегин пишет Татьяне не в ответ на ее признание, которое было так давно; и только фактически, в итоговом читательском сознании, они оказываются «репликами» одного «диалога».

Наконец, онегинская атмосфера цикла поддержана в тексте и еще целым рядом неявных, но множественных реминисценций.

Приди, приди ко мне, прими былую власть!/241/

(ср. предсмертные стихи Ленского:
«Сердечный друг, желанный друг,
Приди, приди: я твой супруг» (9));

...В сущности, простой и добрый малый /241/

(ср.: Он был простой и добрый барин» (10));

Я был бы и теперь у ваших милых ног/241/

(ср: «И, зарывав у ваших ног»(11)).

Таким образом, Апухтин «воскрешает» пушкинский роман различными средствами: с помощью прямых реминисценций, фактально, апеллируя к поэтическому строю романа.

Вспомним, наконец, что поэтике «Евгения Онегина» также принципиально присуща реминисцентность, игра с чужим словом. Апухтин подхватывает эту традицию пушкинского слова. И в результате сюжет его цикла, едва намеченный, «угадываемый» за словами двух понимающих друг друга с полуслова адресатов, — насыщается смыслами и обертонами пушкинского контекста. А перифрастически поданный Петербург («берега Невы») — фразеологизм, возникающий в конце 1-го и в начале 2-го письма (опять зеркальная симметрия!) из двойной обмолвки авторов переписки превращается в «известный» читателю, конкретный и уже наполненный содержательными ассоциациями локус. Роман апухтинских героев воспринимается как петербургский, неоонегинский — в новую эпоху. И это — уже иной, не «по-пушкински» развивающийся роман. В нем главенствует другая героиня: не просто инициативная, но интригующая, способная на провокацию, зато герой — абсолютно пассивен. И в отношениях между ними происходит своеобразная «рокировка»: пушкинская мужская дуэль заменяется женской «дуэлью взглядов».

Адекватность поэтики апухтинского цикла пушкинской тем самым представляется существенной. Переключка особенностей формы «внешней» (поэтики) и «внутренней» (художественной реальности произведения) — находка и «изюминка» апухтинского диптиха. Апробировав в своем творчестве «Петербург» и Пушкина, и А. Григорьева, и Некрасова, и Достоевского, Апухтин все же возвращается в позднем своем творчестве вновь к Пушкину, и именно к «Онегину», подхватывая и инвертируя, переосмысливая его «петербургский роман» в соответствии с новой эпохой.

Примечания

В основу статьи положен доклад, прочитанный на международной научной конференции «Печать и слово Петербурга» (Санкт-Петербург, 2003).

1 *Отрадин М.В.* А.Н. Апухтин // Апухтин А.Н. Полное собрание стихотворений. Л., 1991. С. 18.

2 Там же. С. 27.

3 *Апухтин А.Н.* Полное собрание стихотворений. Л., 1991. Далее при цитировании текстов Апухтина по этому изданию указываются только страницы в косых скобках. Подчеркивания в цитатах мои. — *Л.Л.*

4 *Пушкин А.С.* «Евгений Онегин». М., 1984. С. 33.

5 *Аполлон Григорьев.* Стихотворения и поэмы. М.—Л., 1966. С. 152.

6 *Полонский Я.П.* Стихотворения и поэмы. М., 1986. С. 115.

7 *Пушкин А.С.* Евгений Онегин... С. 26.

8 См. об этом: *Благой Д.Д.* Мастерство Пушкина. М., 1955. С. 195–197.

9 *Пушкин А.С.* Евгений Онегин... С. 161.

10 Там же. С. 75.

11 Там же. С. 221.